

ШЕРЛОК ХОУМС

Рассказы

Сэр Артур Конан Дойл

18+

Артур Дойл

Шерлок Хоумс рассказы

<https://litres.ru/74628378>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник рассказов включает четыре классических расследования Шерлока Хоумса и доктора Ватсона, где сыщику предстоит помешать шантажу коронованной особы "Скандал в Богемии", распутать дерзкий план ограбления банка "Лига рыжеволосых", раскрыть исчезновение загадочного жениха прямо перед венчанием "Жених" и снять подозрение в убийстве с невинного человека "Тайна Боскомбской долины". Каждая история яркая, с нетривиальной развязкой и демонстрирует блестящий дедуктивный метод легендарного детектива.

Содержание

I. СКАНДАЛ В БОГЕМИИ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Артур Конан Дойл

Шерлок Хоумс рассказы

I. СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

I.

Для Шерлока Хоумса она всегда была «та самая женщина». Я редко слышал, чтобы он называл её как то иначе. В его глазах она затмевала и превосходила весь свой пол. Дело было не в том, что он испытывал к Айрин Адлер чувство, хоть сколько-нибудь похожее на любовь. Все эмоции, а особенно эта, были отвратительны его холодному, точному, но замечательно уравновешенному разуму. Насколько я могу судить, он был совершеннейшей машиной для рассуждений и наблюдений, какую только видел мир, но в роли влюблённого оказался бы в совершенно невыгодном положении. О нежных страстях он никогда не говорил иначе как с насмешкой и презрением. Для наблюдателя они были вещами весьма полезными — превосходным средством, позволяющим срывать покров с человеческих мотивов и поступков. Но для искусного рассуждающего ума допустить подобное вмешательство в собственный тонкий и безукоризненно настроенный темперамент означало внести отвлекающий фактор, способный поставить под сомнение все результаты его умственной

работы. Песчинка в чувствительном приборе или трещина в одной из его мощных линз не могли бы помешать ему сильнее, чем сильное чувство натуре вроде его. И всё же для него существовала лишь одна женщина, и этой женщиной была покойная Айрин Адлер, оставившая после себя память весьма неоднозначную и сомнительную.

В последнее время я мало виделся с Хоумсом. Моя женитьба отдалила нас друг от друга. Моё собственное полное счастье и домашние заботы, возникающие вокруг мужчины, который впервые становится хозяином собственного дома, поглощали всё моё внимание, тогда как Хоумс, всей своей богемной душой ненавидевший любые формы общества, оставался в наших прежних комнатах на Бейкер-стрит, погребённый среди своих старых книг и из недели в неделю переходивший от кокаина к честолюбию — от сонливости, вызываемой наркотиком, к яростной энергии собственного острого ума. Он по-прежнему, как и прежде, был глубоко увлечён изучением преступлений и направлял свои огромные способности и необычайную наблюдательность на то, чтобы проследживать оставленные ими следы и распутывать тайны, которые официальная полиция сочла безнадёжными. Время от времени до меня доходили смутные сведения о его делах: о его вызове в Одессу по делу об убийстве Трепова, о раскрытии странной трагедии братьев Аткинсон в Тринкомали и, наконец, о миссии, которую он столь тонко и успешно выполнил для правящей семьи Голландии. Но, кроме этих

свидетельств его деятельности, которыми он делился лишь со всеми читателями ежедневной прессы, я почти ничего не знал о своём прежнем друге и товарище.

Однажды вечером — это было двадцатого марта 1888 года — я возвращался от пациента (к тому времени я вновь занялся частной практикой), и мой путь пролегал через Бейкер-стрит. Когда я проходил мимо хорошо знакомой двери, которая навсегда должна была связываться в моей памяти с моим ухаживанием и с мрачными событиями «Исследования в алом», мной овладело сильное желание снова увидеть Хоумса и узнать, как он использует свои необычайные способности. Его комнаты были ярко освещены, и, едва я поднял глаза, как увидел, что его высокая худощавая фигура дважды прошла тёмным силуэтом за опущенной шторой. Он быстро и возбуждённо ходил по комнате, опустив голову на грудь и сцепив руки за спиной. Для меня, знавшего все его настроения и привычки, его поза и манера поведения говорили сами за себя. Он снова работал. Он поднялся из созданных наркотиком грёз и с жаром взялся за след какой-то новой задачи. Я позвонил, и меня проводили в комнату, которая прежде отчасти принадлежала и мне.

Его встреча со мной не была особенно сердечной. Обычно он и не отличался излишней выразительностью, но, думаю, он был рад меня видеть. Почти не произнеся ни слова, но дружелюбно взглянув на меня, он указал мне на кресло, бросил рядом со мной коробку сигар и показал на шкафчик

со спиртным и газоген в углу. Затем встал перед камином и оглядел меня своим необычным задумчивым взглядом.

— Брак вам к лицу, — заметил он. — Думаю, Ватсон, с тех пор как я вас видел, вы прибавили семь с половиной фунтов.

— Семь! — ответил я.

— В самом деле, я бы предположил немного больше. Со всем чуть-чуть больше, пожалуй, Ватсон. И снова занимаетесь практикой, как я вижу. Вы не говорили мне, что собираетесь снова войти в упряжку.

— Тогда откуда вы знаете?

— Я вижу это, я делаю вывод. Откуда я знаю, что в последнее время вы основательно промокли и что у вас крайне неуклюжая и беспечная служанка?

— Дорогой Хоумс, — сказал я, — это уже слишком. Несколько веков назад вас наверняка сожгли бы за колдовство. Верно, что в четверг я гулял за городом и вернулся в ужасном виде, но поскольку я переоделся, я не могу представить, как вы это определили. Что касается Мэри Джейн, она неисправима, и жена уже дала ей расчёт, но и здесь я не понимаю, как вы пришли к этому выводу.

Он тихо рассмеялся и потёр свои длинные нервные руки.

— Это проще простого, — сказал он. — Мои глаза говорят мне, что на внутренней стороне вашего левого ботинка, как раз там, куда падает свет от камина, на коже имеются шесть почти параллельных царапин. Очевидно, их оставил человек, который крайне небрежно соскребал грязь,

приставшую к краям подошвы. Отсюда, как видите, мой двойной вывод: вы были на улице в отвратительную погоду, а ваша служанка — особенно злобный экземпляр лондонской девицы, способной резать ботинки. Что касается вашей практики, то если джентльмен входит в мою комнату, пахнущий йодоформом, с чёрным пятном нитрата серебра на указательном пальце правой руки и с выпуклостью на правой стороне цилиндра, показывающей, где он спрятал свой стетоскоп, я должен быть совершенно туп, если не признаю в нём практикующего врача.

Я не мог удержаться от смеха, видя, с какой лёгкостью он объяснил ход своих рассуждений.

— Когда я слышу, как вы объясняете свои выводы, — заметил я, — всё всегда кажется мне до смешного простым, так что я легко мог бы проделать то же самое сам, хотя при каждом новом вашем рассуждении остаюсь в полном недоумении, пока вы не объясните мне свой ход мыслей. И всё же я полагаю, что мои глаза ничуть не хуже ваших.

— Разумеется, — ответил он, закуривая сигарету и откидываясь в кресле. — Вы видите, но не наблюдаете. Разница очевидна. Например, вы неоднократно видели ступени, ведущие из холла в эту комнату.

— Неоднократно.

— Сколько раз?

— Ну, несколько сотен.

— Тогда сколько их?

— Сколько? Не знаю.

— Именно! Вы не наблюдали. И всё же вы видели. В этом и заключается моя мысль. А я знаю, что ступеней семнадцать, потому что не только видел, но и наблюдал. Кстати, раз вы интересуетесь подобными маленькими задачами и были так добры, что записали один или два моих незначительных опыта, возможно, вам будет интересно взглянуть и на это.

Он перебрал мне лист толстой бумаги розоватого оттенка, лежавший раскрытым на столе.

— Пришло с последней почтой, — сказал он. — Прочтите вслух.

Записка не была датирована и не содержала ни подписи, ни адреса.

«Сегодня вечером, без четверти восемь, к вам явится джентльмен, желающий посоветоваться с вами по делу величайшей важности. Ваша недавняя услуга одному из королевских домов Европы показала, что вам можно без опасений доверить дела, значение которых трудно даже преувеличить. Таково мнение о вас, поступившее к нам со всех сторон. В этот час будьте в своей комнате и не принимайте в дурном смысле того, что ваш посетитель может оказаться в маске».

— Это действительно загадка, — заметил я. — Как вы думаете, что это означает?

— Пока у меня нет данных. Теоретизировать до получения данных — серьёзная ошибка. Незаметно для себя чело-

век начинает подгонять факты под теории, вместо того чтобы подстраивать теории под факты. Но сама записка. Что вы можете вывести из неё?

Я внимательно рассмотрел почерк и бумагу, на которой было написано письмо.

— Человек, написавший её, предположительно состоятельный, — заметил я, стараясь подражать методу моего спутника. — Такую бумагу нельзя купить дешевле полукроны за пачку. Она необычайно плотная и жёсткая.

— Необычайная — именно это слово, — сказал Хоумс. — Это вовсе не английская бумага. Поднесите её к свету.

Я так и сделал и увидел большую «Е» с маленькой «g», «Р» и большую «G» с маленькой «t», вплетённые в структуру бумаги.

— Что вы об этом думаете? — спросил Хоумс.

— Наверняка название изготовителя или, скорее, его монограмма.

— Вовсе нет. «G» с маленькой «t» означает «Gesellschaft», что по-немецки значит «компания». Это обычное сокращение, вроде нашего «Со.». «Р», конечно же, означает «Papier». Теперь насчёт «Eg». Давайте заглянем в наш континентальный географический справочник.

Он снял с полки тяжёлый коричневый том.

— Эглоу, Эглониц... вот оно, Эгрия. Это немецкоязычная страна — Богемия, недалеко от Карлсбада. «Примечательно, что здесь погиб Валленштейн, а также многочисленны-

ми стекольными фабриками и бумажными заводами». Ха-ха, мой мальчик, что вы скажете на это?

Его глаза заблестели, и он выпустил изо рта большое синее облако торжествующего дыма от сигареты.

— Бумага изготовлена в Богемии, — сказал я.

— Именно. А человек, написавший записку, — немец. Вы заметили необычное построение фразы: «Таково мнение о вас, поступившее к нам со всех сторон»? Француз или русский так написать не мог. Именно немец так невежливо обращается с глаголами. Следовательно, остаётся только выяснить, чего хочет этот немец, пишущий на богемской бумаге и предпочитающий носить маску вместо того, чтобы показать лицо. И вот он идёт сюда, если я не ошибаюсь, чтобы разрешить все наши сомнения.

Едва он произнёс эти слова, как раздался резкий стук копыт и скрежет колёс о край тротуара, за которым последовал резкий звонок в дверь. Хоумс присвистнул.

— Судя по звуку, пара лошадей, — сказал он. — Да, — продолжил он, выглянув из окна. — Хороший небольшой экипаж и пара красавцев. По сто пятьдесят гиней за каждого. В этом деле есть деньги, Ватсон, если больше ничего.

— Думаю, мне лучше уйти, Хоумс.

— Ни в коем случае, доктор. Оставайтесь. Без моего Бо-суэлла я как без рук. И это обещает быть интересным. Было бы жаль пропустить.

— Но ваш клиент...

— Не беспокойтесь о нём. Мне может понадобится ваша помощь, и ему тоже. Вот и он. Сядьте в это кресло, доктор, и будьте предельно внимательны.

Медленный тяжёлый шаг, который уже был слышен на лестнице и в коридоре, остановился прямо за дверью. Затем раздался громкий властный стук.

— Войдите! — сказал Хоумс.

Вошёл человек ростом не менее шести футов шести дюймов, с грудью и конечностями Геркулеса. Одежда его была роскошной — настолько роскошной, что в Англии её сочли бы почти дурным вкусом. Широкие полосы каракуля были нашиты поперёк рукавов и передней части двубортного пальто, а глубокого синего цвета плащ, наброшенный ему на плечи, был подбит шёлком огненного цвета и скреплён у шеи брошью с единственным пламенеющим бериллом. Его вид дополняли сапоги, доходившие до середины икр и отделанные сверху богатым коричневым мехом. Вся его внешность создавала впечатление варварской роскоши. В руке он держал широкополую шляпу, а верхнюю часть лица, спускаясь ниже скул, закрывала чёрная маска-визард. Судя по всему, он только что поправил её, поскольку, войдя, всё ещё держал руку возле маски. Нижняя часть лица выдавала человека с сильным характером: с толстой отвисшей губой и длинным прямым подбородком, говорившим о решительности, доведённой почти до упрямства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.